

18+

Елена Александровна Асеева

КРАСКИ ЖИЗНИ

Елена Асеева
Краски жизни

«Издательские решения»

Асеева Е. А.

Краски жизни / Е. А. Асеева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518304-0

Перед вами сборник, в который вошла одноименная повесть «Краски жизни» и цикл рассказов о природе, любви и загадках русской истории. Всегда тяжело переживать смерть близких и любимых. И дальше искать опору, на которую можно будет облокотиться в продолжающейся жизни, ведь порой необходимую помощь не оказывают родные или друзья. Героине повести «Краски жизни», похоронившей супруга, внезапно удастся найти такую опору в мистической, невероятной встрече...

ISBN 978-5-00-518304-0

© Асеева Е. А.
© Издательские решения

Содержание

КРАСКИ ЖИЗНИ	6
ГЛАВА первая. Серый тон	6
Глава вторая. Дымчато-черный колорит	10
Глава третья. Сумеречные тени	14
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Краски жизни

Елена Александровна Асеева

© Елена Александровна Асеева, 2020

ISBN 978-5-0051-8304-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наше детство, как и юность, молодость зачастую наполнены лишь радужностью красок, насыщенностью запахов и яркостью звуков. В эти периоды своей жизни, ты не ощущаешь смерти как таковой, не воспринимаешь, что уход человека безвозвратен. И даже потеря близких, родных в таком возрасте забывается, как дурной сон... прошедший и более не появившийся.

С годами, однако, ты все острее и острее начинаешь осознавать конечность не только жизни других, но и своей собственной. И память выплескивает твои потери все чаще, делая их болезней, тяжелее. А затем, наступает такой момент, что отсчет собственным годам ты ведешь потерями твоих любимых.

И, кажется, тебе тогда, что уже и не осталось сил переживать бесконечную разлуку с собственными друзьями и родными, что цвета потускнели, запахи исчезли, звуки угасли. И лишь единственное желание правит в тебе, пусть не будет больше потерь, ибо ты уже не справишься с утратами близких, пусть потерей станешь ли ты сам...

Но жизнь мудрее тебя. Ведь неизменно, что-то отнимая, она и дарует... Она дарует что-то или кого-то... Во всяком случае, того, кто придаст сил и возможности вздохнуть глубже и опять продолжить собственную поступь по столь непростой твоей судьбе.

Тем, кто ушел, кто продолжил жить и любить, и тем, кто еще придет на Землю, насытив каждого из нас смыслом, посвящаю эту книгу.

КРАСКИ ЖИЗНИ

Господь

И это все? Опять ты за свое?

Лишь жалобы да вечное нытье?

Так на земле все для тебя не так?

Мефистофель

Да, господи, там беспросветный мрак,

И человеку бедному так худо,

Что даже я щажу его покуда.

Гёте «Фауст»

ГЛАВА первая. Серый тон

Серые краски...

За окном автобуса мир был тусклым.

Впрочем, не только за окном автобуса... Это свинцовое ненастье распространилось по всему наблюдаемому пространству и правило там уже давно. Потому, казалось, пепельный осенний паморок укутал в свои тона небеса, дома, улицы, растения, погасив в той хмурости всякую яркость света. В связи с чем из мира исчезла не только изумрудная трава, янтарная листва, лазурные небеса, но и медовое солнце.

Серый, свинцовый, дымчатый, мышастый оттенки теперь заполнили парки, скверы, аллеи, дворы. Они словно слизали весь другой колорит с автомобилей, обратив силуэты их кузовов в мерклую пепельность, выполоскали цвета стволов деревьев до сизой смутности, и, кажется, сделали самих людей тусклыми тенями. Теми едва приметными фантомами медленно перемещающимися по оловянно-марному полотну асфальтовых тротуаров, лишь редкостью чередующихся, примыкающими к проезжей части, полосками и вовсе аспидно-серого газона.

Пожалуй, что сама смена колорита городской обстановки не только лишила какой либо индивидуальности живых созданий, сдержав движение людей, бег собак, покачивание ветвей, колыхание трав, но и усмирило до тех пор неугомонно бегущее время, замедлив его ход до состояния чуть заметно набухающей и лениво стекающей с листка капли росы.

Каждой такой каплей изматывая и без того изболевшуюся душу, истосковавшееся тело.

Автобус внезапно взвизгнул тормозами (или это всего лишь так неуклюже соприкоснулись с поверхностью свинцового асфальта его шины) резко мотнув находящихся внутри салона людей, туда-сюда, да тотчас остановился. Его двери, не менее пронзительно, громко вскрикнув, открылись и таким своим стенанием вернули Зою в настоящий момент времени, вроде как даже легонько, ее встряхнув на сидении.

Потому женщина с той же неторопливостью перевела взгляд с окна автобуса на открывшиеся в нем двери и надрывно выдохнула. Так как та самая пепельность, что окутывала городские улицы и тянулась вслед транспорта, сейчас сизыми длинными лепестками, слегка выдыхающими капельки воды, чуть слышно, что-то бормоча (подобия молитвы), принялась заползать в салон. Определенно она намеревалась похитить и последние, пусть и не самые насыщенные, однако разнообразные по гамме, цвета этого мира... Юношу ли, одетого в синюю водонепроницаемую куртку, точно предназначенную для пешеходного туристического похода, занявшего место на сидении как раз напротив открытых дверей, или ту же маленькую девочку в вязанной розовой шапочке с завязками, декорированной большущим белым помпоном, приготовившую покинуть автобус. На этом крохотном ребенке и пуховая длинная курточка, и сапожки

были того же розового цвета, столь значимого в блуждающей кругом тусклости. Потому, когда девчушка, вслед за мамой уже объята дымчатостью, сделала шаг в сторону дверей, навстречу ей качнулись плотные влажные массы парного паморока и словно подхватили ее маленькую фигурку. Это клейкое месиво неожиданно качнуло внутри своих тянущихся оловянных лепестков, облепленных бусенцом прозрачных дождинок, малышку, отчего ее головка увенчанная таким ярким белым помпоном вроде мячика сперва взвилась вверх, а после также моментально пропала в мышастых испарениях мира. И лишь сомкнувшиеся поспешно двери автобуса той же резкостью разделили (вряд ли надолго) свинцовые туманы города от приглушенного желтоватого света правящего внутри салона, полинявших болотных чехлов на сиденьях и белесых, усеянных хрустальной капелью, поручней, а что верней от столь радужного, ослепительного прошлого Зои.

Автобус вновь громко скрипнул тормозами или только это шаркнули по асфальту шины всех четырех колес, когда он, сойдя с места, повез оставшихся людей к назначенной цели, теперь не поворачивая, не виляя, только вперед. И женщина тотчас, в такт тому движению, глухо вздохнула и закрыла глаза, точно стараясь наставшей тьмой разграничить свое счастье-вое, звонкое прошлое с безучастным серым настоящим.

Как оказалось мгновенно перечеркнутым словами врача: «Извините, мы не смогли его спасти, сердце остановилось!»

Подобный плач шин, что на протяжении пути от работы домой издавал сегодня этот автобус, и в прошлый раз, тот самый, когда размежевали счастье и горе, оборвал жизнь ее любимого Алексея.

А Зоя, пожалуй, только после потери своего Лёшки, похоронив его и принявшись жить вне его, осознала, как много он значил в ее жизни, оценив силу своей к нему любви...

Любви... на протяжении всех четырех лет без него связанной с сильнейшей душевной болью, изматывающе-тоскливой.

Весь первый год после ухода мужа, с которым прожили двадцать лет и вырастили сына да дочь, Зоя пыталась жить, точнее лишь выжить, не сломаться, не уйти следом. Вначале, спасая себя от тех моральных страданий, женщина старалась не думать об окончательном уходе из ее жизни любимого человека, сокрытым под двухметровым слоем земли. Впрочем, это удавалось делать только днем, когда работа, хлопоты по хозяйству отвлекали от воспоминаний. Однако вечерами и особенно одиноко-холодными ночами, когда боль от потери возвращала Зою в настоящий момент времени, указывая на ее вдовство в пустой кровати, сбивался настрой движения, и, тугая хватка сиротливости сдавливала горло, будто пытаешь задушить изнутри.

И тогда женщина выходила из своего одноэтажного, просторного, построенного заботливыми руками супруга, дома во двор, не менее ухоженный и в большинстве своем поросший низкими яблонями, с негустыми округлыми и пониклыми кронами, в начале сентября покрывающихся сочными, ароматно-пряными с пурпуровым румянцем плодами. Деревья о ту пору легонечко шевелили ветвями, словно кланяясь хозяйке, чуть слышно поскрипывала стальными цепями покачивая на себе лавку-диван деревянная качель и несильно шуршал пожухлой листвой на земле, слегка ее встряхивая, малозаметный ветер. А Зоя так, чтобы не было слышно спящим в доме детям, затыкала рот полотенцем, и, подняв голову, глядя в густое собственной мглой небо, кричала. Тугой, тянущийся вой тогда не мог просочиться сквозь заткнутый рот наружу и тем самым напугать живущих, он лишь выливался из рвущейся на части души вверх, туда в самый простор космоса, покачивающего в своих пухлых покрывалах круглую, ровно мяч планету, и таким образом снимал хотя бы до утра боль женщины.

Это был первый год жизни без Алёшеньки...

Первый год, самый тяжелый... прошедший в муторных, черных тонах.

В народе говорят: «Время лечит»... Однако не всегда и не всех. Порой время только притупляет боль, но не затягивает душевные раны. Потому ты хоть и перестаешь затыкать рот

полотенцем, перестаешь кричать в одинокое небо, ощущаешь мощную нравственную травму, которой не подвластны такие утешения, как «забудется». А все потому как события продолжают восприниматься также болезненно, вроде это случилось всего лишь вчера.

Наверно, это происходило еще, и, потому как Зоя была однолюбкой, также как ее мама, бабушка и, определенно, все остальные женщины в ее роду. Выбирая одного мужчину и на всю жизнь, не пытаюсь найти себе нового или любовника, следуя лишь зову своей души и чувств. Посему и после четырех лет вдовства она не перестала любить своего Алёшеньку, Лёшеньку, Лёшку и с тем рассматривать его как единственного мужчину.

Так как первый год у Зои прополз в мглистой тьме, все последующие превратились в серые тоскливые будни, без проблеска чего-либо светлого и яркого, ровно на небеса в те года и не восходило солнечное светило, не озаряла Землю россыпь мельчайших радужных звезд наблюдающих за нами с далекой выси, таким образом, указывая, что со смертью супруга из дома ушла и сама радость.

Видимо, потому как женщина, до тех пор цветущая, смеющаяся, звонкая как лесной ручеек, потухла и притихла, ее дети попытались вырваться из того печального плена. И если сперва дочь, поспешно вышла замуж, и, переехала жить на съемную квартиру, то спустя полгода и младший сын, окончив школу, поступил в военный университет в соседний город.

Дети Зои и Алексея продолжали жить, радоваться, смеяться, идти своим путем, тогда как женщина оказалась замкнутой в большом доме как в могильном склепе, удушающем своим одиночеством и гулкой пустотой. В связи с тем, что время не лечило, а продолжало калечить, единственной теплотой оставались для нее воспоминания. Те самые счастливые моменты жизни связанные с Лёшкой и полноценной семьей, как оказалось позднее даже того первого года после его смерти, когда рядом все пока оставались ее дети... Когда, как оказалось позднее, они все еще оставались семьей, могли собираться за общим столом, обсуждать проблемы. Когда Зоя хоть и выплескивала в чуждые, зашторенные черными гардинами, небеса свою боль криком, уже в следующий момент, вздохнув глубже, могла приглубить средне-русые волосы сына или обнять, поцеловать в серые глаза дочь.

Все познается в сравнении...

Это горькое понимание пришло позднее, вначале после смерти Алёшеньки, когда мелочными оказались ранее нагнетаемые проблемы, обиды, недовольства и ссоры с любимым. Но еще большим смыслом оно наполнилось после ухода в жизнь детей, когда хотелось крикнуть им вдогонку: «Пусть без Лёшки, но хотя бы не без вас!»

И то самое счастье, яркое солнечное бытие, степенно потускнев, окончательно стало с серым, свинцовым, дымчатым, мышастым оттенком, словно исчезнув с их взрослением, таким же резким, как и смерть мужа.

Впрочем, ощущение гибели семьи Зоя всегда ассоциировала со словами врача: «Извините, мы не смогли его спасти, сердце остановилось!», сказанных им в пропахшем приторно-горьким духом лекарств и спирта, окрашенном в белый цвет, коридоре больницы.

Автобус вновь взвизгнул, и, теперь уже было, не понятно то ли тот звук произвели шины, то ли двигатель, а после с резким толчком остановился. Он вроде, как, и, не открывая дверей, выплюнул из собственного салона в уже темнеющие массы тумана юношу, одетого в синюю водонепроницаемую куртку, предназначенную для пешеходного туристического похода. А секундой погодя ясность в салоне и вовсе погасла, и сам автобус, и находящиеся в нем Зоя (в унисон остановки открывшая глаза), и водитель погрузились в свинцовые тона. Те самые цвета, что правили извне, ровно указывая на попытку потеряться не столько в самом городе, сколько в степенно пухнувшей на глазах пепельной субстанции, местами почти закипающей.

Двери автобуса опять же резко закрылись, ухватив и наполнив салон той кучевой волокнистостью, да сладковато-соленым фимиамом несущим не только воспоминание о смерти,

сопровожающееся слезами, оглушающей тишиной одиночества, но и о прошлом, пусть ушедшем, однако остающимся живым в Зое возникающими счастливыми картинками, ароматами и звуками. Покачиваясь внутри той кружащей серой мгле, женщина сразу же замкнулась в себе, точно выравнивая и само понимание этого мира и законного, вызывающего внутри острый приступ тоски.

Безнадежность последнее время приобрела какое-то болезненное состояние, связанное в первую очередь со смертью Лёшеньки и дополненное отпочкованием от нее сына и дочери, которое воспринималось не столько положенным их взрослением, сколько очередной потерей. Может быть, потому как Зоя, замкнувшись в себе и своих потерях, не только лишилась смысла жизни, но и его полихромности, она согнулась физически, сгорбив спину, свесив голову и опустив руки, а с тем приобрела душевное желание, точнее единственную, навязчивую мечту...

Мечту, желание, тягу увидеть своего Алёшеньку, Лёшеньку, Лёшку. И хотя бы разочек заглянуть в его серые с карими брызгами глаза, провести подушечкой пальца по блестящим красным губам, по спинке узкого с удлинненным кончиком носа.

Хотя бы увидеть... пусть даже без права обнять, прижаться, поцеловать...

Увидеть хотя бы на минутку, чтобы окончательно попрощаться, а после и не думать ни о чем, ни переживать, ни воспринимать и саму как таковую жизни.

Зоя за последний год и вовсе забыла, что, как и у других людей, у них с мужем не все и не всегда было гладко. И порой ссоры заканчивались гневными словами, обидами, а то и вовсе долгими днями молчания...

Но все эти обиды, ничтожные теперь, заволочились парами того самого серого, свинцового, дымчатого, мышастого оттенка, пропав в них безвозвратно, не в силах собственными переживаниями поддержать женщину в минуты отчаяния. Потому и вспоминалось лишь хорошее, доброе, нежное в отношениях мужа и жены, как и самого его образа, округлого лица, жилистой, крепкой фигуры, средне-русых, густых волос с косматым чубом, спускающимся на лоб, который было так приятно взбивая, гладить, ощущать под пальцами.

Порой мысль увидеть Алёшеньку, хотя бы на минутку, приходила в темной ночи, когда одинокий дом чуть слышно постанывал ставшему беззвучным плачу Зои...

Увидеть Лёшку было навязчивой и опять болезненной мечтой, измучивая собственной невозможностью и нескончаемостью, которая теперь принялась окончательно опустошать душу женщины, а может даже убивать.

Увидеть Лёшеньку... коснуться его все еще живого, улыбающегося, смеющегося с которым из-за реанимационных мероприятий, а потом приговора врачей: «Извините, мы не смогли его спасти, сердце остановилось!», так и не удалось проститься, а значит, и, вымолить прощения за глупые, суетные мелочи которые лишь отняли мгновения их счастья.

Глава вторая. Дымчато-черный колорит

Зоя лишь сейчас, когда автобус, застыв на месте, стих, словно пробудилась от тяжелых мыслей и взглянув на открытые двери туго вздохнула. Еще и потому как сквозь раскрытые створки сейчас просматривался унылый в дымчатых тонах вид улицы, устланной пепельно-сизым асфальтным полотном, и придавленной с двух сторон одноэтажными домами, прячущимися за металлопрофильными, в основном мрачной расцветки, заборами, указывающими не только на безрадостную жизнь, но и такое же безрадостное направление домой.

– Конечная! – гулко крикнул со своего места водитель, и, тем окончательно пробудив женщину, подтолкнул ее к действию, да в тот же момент, точно погас, не просто утратив очертания собственного образа, но и слившись с правящей кругом сумрачностью. Зоя немедля поднялась с сидения, подхватив левой рукой кожаную черную сумку. Привычно накинув две ее ручки себе на плечо и слегка придавив к демисезонной, свободного кроя из прочной с водоотталкивающей пропиткой, куртке трапециевидный с широким дном корпус сумки, женщина сошла с возвышения, на котором поместились сидения, и столь же скоро покинула автобус. И также сразу попала в пухнувшие серо-черные влажные пары, что царили извне степенно смыкающие своими массами не только заборы, дома, но и саму улицу.

Зоя, впрочем, в той дымчато-черной мороке сделала всего только пару-тройку шагов и остановилась. Автобус позади внезапно резко закрыл двери и с той же быстротой, сорвавшись с места, пропал в густеющей с каждой секундой туманной пелене, оставив о себе памятью лишь свинцово-черный след на асфальте. И лишь когда он утонул в том мареве, вроде никогда тут и не был, а на проезжей части, как и на самой улице в неглубоких лужицах дорожного полотна перестала покачиваться вязкая грязевая водица, Зоя, очередной раз, оглядевшись, пришла к пониманию, что проехала свою остановку. Оказавшись и впрямь на конечной автобусного маршрута, находясь от своего дома не просто не близко, а достаточно удаленно.

Та же ненастная серость все также медленно мрачнеющая, окончательно закрывшая многоцветье жизни, не просто вчера или как полагалось осенней порой, а много лет раньше, сейчас и вовсе приглушила такое хмурое свинцовое небо. Отчего правящие в нем плотные слои, словно набранные из мягких, рыхлых и вместе с тем, не просвечивающихся огромных комков, принялись лениво опускаться вниз. Они стали плавно приседать отдельными хлопьями на ветви оголенных деревьев, на вздрагивающие (ровно от страха) тончайше-глянцевые леторасли кустарников барбариса, подсвечивая ночными оттенками чуть позвякивающие от будущих холодов ягодки, и ставшие почти мышасто-курными шиферные крыши домов. Дородная дымчатая мга в сочетание со спущенной с небес ночной тьмой, степенно поедая непогожесть и облекая все в угольные краски, создавала иллюзию пустоты, отрешенности этого места от мира. Одновременно она покачивалась матово-стальными клоками в узких переулках, что разрезали лежащую перед Зоей улицу. Она перекатывалась мохнатыми лепестками по крыше смоляного автомобиля, стоящего возле ближайшего дома, почти впритык к высокому забору, сомкнувшему остатки наблюдаемого участка. Насыщенный морозящей сыростью воздух казался таким же тяжелым, нудным, как и сам стелющейся повсюду теперь уже беспросветный туман.

На удивление, но не только улица, лежащая поперед Зои, но и проезжая часть, оставшаяся позади, и жилища людей не подавали признаков жизни, ровно они вымерли. И с тем вместе они утаили внутри себя всякие краски, переливы электрических огней, как и приглушили говор людей, лай собак, пение птиц, так что кроме редко летящих с небосвода капель, вроде и не пролитых начинающимся дождем, а всего только скинутых из аспидно-черных туч, изредка соударяющихся с полотном асфальта или повизгивающе-позвякивающе утопающих в лужах, ничего не было слышно.

Впрочем, в отличие от потерявшихся звуков, запахи продолжали восприниматься женщиной, сохранив свою яркость, а вместе с тем и собственную памятьливость. Потому стоило Зое вздохнуть глубже, как она сумела разобрать приторность зеленой травы, наполненной мягкостью озерной воды, что нес в себе густой с изумрудным отсветом мох, плотно укутавший упавший ствол дерева. Кажется, всего лишь секунда и память нахлынув волной, словно ударившись о мозг женщины, выплеснула во всей яркости фрагмент прошлого. Не только само поваленное дерево, на которое облокотился Алексей, в свою очередь пролежавшее мостком в неширокой ложбине, где темно-коричневую почву прикрывали оливковые, соломенные и пурпурные листья: узорчатые клена, лопастые дуба и опять же филигранные ольхи, да проглядывали зеленые тончайшие лоскутки трав и побуревшие угловатые нити сухостоя. Память, однозначно, нарисовала и сам голубой осенний небесный купол, чуть прикрытый белыми паутинками облаков, местами схваченных в сувой, и, естественно, обрисовала фигуру мужа, в потертых синих джинсах и такой же потертой футболке. Того самого Лёшки трепетно хранимого не только памятью женщины, но и оставшегося в фотографии, стоящей в фоторамке на трюмо в спальне. Тем, продолжая разделять столь яркое, теплое прошлое с уже беспроглядным в чернильных парах настоящим.

Сейчас стоило женщине вспомнить тот самый фотографический снимок, сделанный за год до смерти супруга, как ее тонкие губы сами собой изогнулись в улыбке, будто тот незабвенный кусочек прошлого нежно позвал ее домой, поманил продолжить путь, в том числе и жизненный. Нескончаемого круга движения пролежавшего асфальтным полотном дороги между домом и работой...

Зоя еще раз огляделась, с тем разрушая связь с ароматами прошлого и фотографией мужа, понимая, что проехав собственную остановку, предрекла себя к долгому походу домой. А самую малость поразмыслив, все-таки решила идти по протянувшейся перед ней улице Степной, чтобы свернув в переулок Виноградный, срезать, таким образом, расстояние до улицы Полевой, на которой ее ждал одинокий, засыпанный каплями дождя, дом и двор. Потому уже в следующий момент, резво сойдя с места, она направилась вперед по дороге.

Казалось, Зоя обдумывала свой путь не пару минут, а не меньше часа. Так как стоило ей только опять начать движение, нахохлившиеся угольно-черной марью небеса одели пространство улицы, дворов и домов в ночные тона, погасив и толику света в окнах жилищ, потушив все фонари, и сожрав всякое отражение в стекленеющих от надвигающегося похолодания грязевых лужах, неизменно, плюхающих вверх узкими струйками воды. И той клейкой слякотью при каждом шаге женщины окатывая, как черные на высокой подошве ее кроссовки, так и штанины ее матово-серых джинсов. Зоя шла быстро, ежесекундно ускоряясь, и от набранной скорости ее слегка покачивало из стороны в сторону, а может это лишь вороная морока подталкивала в спину, едва приметным и тут чуть осязательным буруном, опять же наполняющимся стужей, точно уже позабывшем о своем осеннем периоде. Такой своей несильной пульсацией чернильная пелена направляла и сам ход Зои лишь вперед, пожалуй, что без права свернуть или даже заглянуть в тот или иной переулок.

Само это ровно наваристое куруво пугало женщину своими распространяющимся массами и агрессивным наступлением, захватывающим главенство на Земле, указывающим на пальму первенства природного, не искусственного.

Те беспроглядные туманы несли в себе гробовую тишину и удивительный по аромату горьковатый фимиам костра моментально колыхнувшего в мозгу женщины фрагмент прошлого, кажется, весьма далекого. Когда не только был жив и молод Лёшенька, но и малы ее детки. И когда летний ясный, напоенный солнцем и морской далью день сменился не менее чудесным по красоте и безмолвию вечером, замесившись таким же мягким ночным сумраком. Только тот фрагмент жизни, как и в целом, прошлое, связанное с мужем и детьми, поражало пестротой красок. Так что небесный свод, наглядно изображал криволинейную конструк-

цию, подпертую с обеих сторон земной твердью, смыкающуюся по горизонту бархатистой синевой морской дали и мягкими тонами песчаной глади. Все пространство небесного перекрытия перенявшего сапфирные тона усыпали мельчайшие, как дождевики, звездные светила, поражая взгляд чудесами своего сияния, тут уже, словно одолживших его от самоцветных камней, а потому и переливающихся багряным, медовым, лазурным, изумрудным светом. Море тогда было опять же сапфирным, ровным и тихим, как и само пространство вокруг. Впрочем, не пугающим, а таящим внутри себя отдельные синеватые фосфорические капли, пролегающие то редкими лепестками, то полноценными полосами, живущих в них крохотных организмов, потому и ощущаемых во рту на небе легкой кислинкой водорослей, горечью цветущей полыни и все еще горящего костра. И лишь комковато-чубатые волны нарушали ту благодатную тишь, медленно накатывая на песчаный берег, милуясь с ним и словно напевая чудесную песню любви, почасту пытаюсь слиться с ним во что-то единое, целостное, как супруг и супруга, муж и жена.

Это солнечное не столько по краскам, сколько по ощущениям воспоминание, возникнув в мозгу женщины, также резко сошло на нет, оставив для нее лишь тугой вздох, соль на глазах, точно кинутых туда морскими брызгами и болезненное желание увидеть Алёшеньку хотя бы на минутку...

Увидеть, прикоснуться, обнять, поцеловать... и за любое из этих действий Зоя сейчас бы отдала оставшуюся ей часть жизни без раздумий... Теперь кажется превратившись в маниакальное желание, вызывающее приступы острой депрессии, не просто снижая ее настроение, сон, аппетит, но и почасту замедляя движения женщины, в попытке поймать пропадающее воспоминание, вьющееся в виде тончайшей паутинки перед глазами.

Вот и сейчас память, выплеснув фрагмент прошлого, не просто сдержала шаг Зои, а прямо-таки остановила ее. Потому, когда женщина вновь вернулась в настоящее, то отметила, что тьма липкими массажи окутала всю ее фигуру и хлынула в приоткрытый рот, ранее склеив той вязкостью носовую полость. Она также застлала Зое глаза солеными слезами (все же вряд ли морскими брызгами), так что последняя тягостно вздрогнув, оглянувшись, равно не могла понять, где оказалась и как сюда переместилась. Женщина даже глубоко вздохнула через рот, одновременно, сглотнув ком склизкого пара, попытавшись сказать хоть слово и тем нарушить царящую кругом тишину. Но то ли ком застрял у нее в горле, то ли пропал от волнения голос, кроме как стоны она ничего не смогла из себя выдать. Да и стон тот был тихим, прерывисто-гаснущим...

А кругом Зои мрак сгустился, он все также был пористо-туманным, определенно, сочленившим верх и низ, сравнившим понимание неба и земли. И принявшись медленно наполнять сам воздух кристалликами льда, не то, чтобы видимыми, лишь ощущаемыми покалыванием на языке при вдыхании. Эта беспроглядная угольно-черная хмарь пыталась сожрать женщину, утопить в собственном горе, которое всегда облекается в черные тона. Она хотела подмять Зою, напугать собственной скорбью, а может всего лишь доломать и без того ее сломленную.

Именно потому, что мир сомкнулся для женщины, перестал слышаться даже редким окриком живого создания или той же дождевикой водяного пара, что создавали туманные полотнища, как спасательный круг вновь пришло событие из прошлого. Оно словно выплеснулось из ближайшего кристаллика льда, качнувшегося на соседнем лохмотке увлажненной мгги внезапно создав картинку осеннего дня. Когда и сама природа, не распознав собственной зрелости, продолжала очаровывать своей зеленью, да ослепительностью голубых небес, подсвеченных снаружи лучистой белизной солнечного диска. Тогда тонкие покровы поземного тумана, порой смотрящегося в виде ажурных клочьев, колыхались возле самой почвы, нежно касаясь изумрудных трав, вплетались косами в высокие камыши, все еще малахитового оттенка, хотя и покачивающихся метельчато-бурыми соцветиями, а после, точно перекачиваясь зябью, тянулись над лазурной заводью воды, отражаясь в ней белыми потоками. Высокие

с шатровидной кроной тополя, чьи толстые стволы укрывали густые ковры мхов, перебирали на ветвях оливковые листочки и словно поигрывали с грациозными осинами, чуть встряхивающими на годовых побегах красновато-белыми пушистыми сережками.

Лёшка в тот день был особенно нежен. И не только потому как Зоя ждала их первенца, а еще и потому как мягкая осенняя теплота, солнце, да и сам поход на озеро, наполнился любовными чувствами и ожиданием чуда. Не только носимого женщиной под сердцем, но и того, что прятался между травой под листвой и выбирался из-под нее выпуклой мясистой розовато-коричневой шляпкой гриба, обнаруживая притаившуюся грядку (мягко пахнущей свежей мукой) тополевой рядовки.

Глава третья. Сумеречные тени

Страх тугой волной, как к тому времени и распухший черный туман, поджал со всех сторон Зою. Своей безжалостной рукой он надавил ей на горло и грудь, свистнул пронзительным гулом в ушах, потому она тягостно вздрогнув, обронила нить с прошлым, да резко сойдя с места, продолжая прижимать к левому боку сумку, направилась вперед. Впрочем, не разбирая дороги, тяжело дыша и пугаясь, слыша как в груди от правящей тьмы, точно заползшей и в ее душу, беспокойно и быстро застучало сердце, кажется, поддерживая себя лишь одной мыслью, которую теперь женщина озвучила вслух: «Увидеть, прикоснуться, обнять, поцеловать тебя Алёшенька... Ради этого я бы отдала оставшуюся часть жизни без раздумий».

Слова, впрочем, выплеснулись, моментально потерявшись в кружившей мгте, чернильно-седой, которая уже в следующую секунду зло и жестоко ударила Зою в спину, подгоняя, повелевая ускорить шаг. Еще не более мгновения и аспидно-влажные пары еще сильнее надавили на женщину, указывая и вовсе бежать. И если вначале Зоя побежала трусцой, то постепенно стала набирать темп, все силами пытаясь вырваться из этого черного плена, чтобы наконец-то увидеть что-нибудь светлое, теплое, родное, какой для нее всегда оставалась семейная жизнь и ее единственный Алёшенька.

Ноги женщины ощутимо попадали в мелкие и глубокие ямки, наполненные грязью и водой, которая плюхала на джинсы, увлажняя их и с тем утяжеляя. Комковатая морока, усыпанная кристалликами льда, заскакивала в приоткрытый рот, обжигая своей стылостью, и горько, надрывно ударялось о грудь сердце, вроде пытающееся вырваться наружу. Неожиданно тугой влажный порыв ветра, возникший из ниоткуда больно огрел Зою по спине, отчего правая нога ее запнулась об левую. Все тело женщины резко накренилось вперед, намереваясь свалиться, но она также энергично мотнула головой назад, крепче вжав в бок сумку, и всплеснув правой рукой как крылом, выпрямив спину, тотчас остановилась.

И в тот же миг в царящей впереди, как и со всех сторон, густой чернильной тьме вспыхнула ярко-красная точка, ровно лепесток жизни или столь приятного лохмотка огня, указывающего на очаг в любом доме. Ослепительная капля света продолжала гореть, не изменяя своим размерам, хотя и той крохой сияния стала оттенять правящую тьму, создавая сумрачность в которой явственно обрисовался в виде тени облик человека. Еще чуть-чуть и фигура мужчины выступила четче, да ровно в единый морг ближе, так что Зоя слегка отпрянула назад, сделав шаг или два. Но даже с тем она лишь уменьшила расстояние до человека, будто бы он синхронно и резко двинувшись вперед, оказался в метре, полутора от нее.

Он превышал невысокую Зою сантиметров на тридцать в росте и казался нависающим над ней. Его белая (даже в сумрачности теней) бледная кожа, как и белоснежные, до плеч, прямые волосы больше бы подошли персонажу, из кинофильма, пожелавшему изобразить вампира. А низкий покрытый сетью морщинок лоб, тонкий изогнутый вправо нос с нависающим кончиком, широкие выступающие скулы, покатым подбородком, белесые брови, ресницы и даже тонкие губы, будто облепленные теми самыми кристалликами льда (все еще ощутимых во рту Зои), располагали к особому трепету, страху точно при встрече с самой смертью. И если еще прибавить, что глаза мужчины были странными, необычайно широкими и глубокими с почти черной радужкой, полностью заполнившей пространство белка, и белой узкой щелью вместо зрачка (чем-то напоминающие глаза кошки), то становилось понятно, что он не просто вышел из киноленты, а пожалуй, что пришел с того света.

Зоя, молча, разглядывая человека, и, не сразу осознала, что вспыхнувший точкой огонек, виденный ею в аспидно-черной мгле, оказался всего лишь горячей сигаретой, крепко зажатой в правом уголке его рта и чуть-чуть продолжающей тлеть.

Внезапно мужчина едва приоткрыл левый уголок рта, и, выдохнув из него струю горьковато-серого дыма, сказал:

– Здравствуй, Зоенька, – произнес это не только голосом Алексея, зачастую звучащим баритонально, но и используя саму форму обращения, в конце имени слегка растягивая букву «а», точно подпев на ней. И женщину прямо-таки передернуло от услышанного, а по спине снизу вверх прокатилась холодная волна мурашек, своим потоком вроде сдержавшая на миг бие-ние сердце, так как ровно на доли секунд ей показалось, что это заговорил ее муж.

– Нет, я не Алёшенька, – отозвался странный мужчина и резким движением левой руки, подхватив двумя пальцами сигарету, вынул изо рта. Он также энергично качнул ее в пальцах вверх-вниз, слегка разворачивая, отчего стало видно, что это на самом деле не сигарета, а папироса, удивившая Зою своим длинным мундштуком, плотно сдавленным на самом кончике. Человек вновь качнул в пальцах папиросу и тем самым стряхнул с нее горящие искорки, которые просыпавшись вниз, образовали полосу света, озарив не только его одежду, но и обувь. Потому стало видно, что обут он в черные сапоги на высокой серебристой подошве. Таким же темным, точнее даже иссиня-черным, было пальто мужчины. Узкое, облегающее по талии, с узкими удлиненными рукавами, скрывающими до пальцев кисти рук. В том пальто передняя часть смотрелась значительно короче задней, узкой и длинной, и, не располагала какими-либо признаками швейной фурнитуры (пуговицами или замком), впрочем, имея широкий капюшон, спущенный на спину. За счет ширины капюшона, напоминающего небольшие неплотно сложенные крылья, и самого пальто в стиле стимпанк, мужчина еще больше походил на вампира из популярных кинолент. И тем самым мгновенно вызвал животный страх в Зое, вплоть до болезненного спазма желудка и столь частого биения сердца, которое спровоцировало не только слабость в ногах, но и затуманивание зрения.

Между тем, просыпавшиеся из папиросы горящие искорки, упав прямо под ноги человека невероятным образом не погасли, а точно маленьких осветительных приборов, укрепленных прямо в земле, продолжили наполнять пространство приглушенным светом, подсвечивая и саму его фигуру снизу.

– Мы знакомы? – неуверенно спросила Зоя, едва шевельнув внутри рта языком, оказавшимся неповоротливо-тугим, понимая, что такими же ватно-онемевшими ногами вряд ли сможет свершить шаг, чтобы отступить назад от этого вышедшего пусть не из потустороннего, но однозначно нездешнего мира человека.

– Возможно, – незамедлительно отозвался мужчина, сказав это все тем же баритональным тембром, хотя и прозвучавшим легко, лирично, непременно, желающим успокоить женщину или только вывести ее на разговор.

Зоя глубоко вздохнула, стараясь взять себя в руки и начать мыслить трезво, да к собственному ужасу уловила сладковато-влажный запах разложения. Он был малоуловимым, точно далеким, однако определенно принадлежал умершему живому созданию, человеку ли, животному ли, и явно исходил от этого странного мужчины. Женщине даже показалось, что стоит ей сейчас взглянуть прямо в лицо ему, как она сможет увидеть кости его лицевого черепа, не только верхнюю челюсть, но и отвисающую нижнюю, и даже носовую кость без признаков кожи, мышц, нервов. Эта догадка теперь вызвала внезапный приступ жара, будто окативший Зою с головы до пяток, вновь ускорив и без того частое сердцебиение, кажется, колыхнувшего на груди поверхность черной с водоотталкивающей пропиткой ее куртки.

Впрочем, желая справиться с тем состоянием, женщина отвела взгляд от лица странного человека, уставившись на его, все еще покачивающуюся в пальцах папиросу, к удивлению не тухнущую, а продолжающую легонечко искрить и тлеть, да также негромко, напряженно-дрогнувшим голосом, произнесла:

– Я вас не знаю, позвольте пройти.

– Да, я тебя и не держу, – отозвался мужчина, и, отправив в рот папиросу, слегка придавил край ее мундштука зубами. Да тотчас дохнул в лицо женщины потоком серого горького дыма, не только колыхнувшегося вниз, к световым каплям на земле, но и во все другие стороны, обрисовывая, таким образом, сумрачность правящую кругом и лишь оттеняющую их фигуры. Зоя резко вскинула руку вверх и прикрыла нос ладонью, еще и потому как горечь дыма сейчас смешавшись с запахом гниющего мяса, вызвала приступ тошноты.

«Какой же странный, жуткий», – всего лишь помыслила женщина.

И в ту же секунду услышала тихий хмык мужчины, а после он и вовсе вслух проронил:

– Странно-жуткий хам, хочешь сказать Зоенька, – произнеся это опять голосом Алексея, и вновь используя саму форму обращения, в конце имени слегка растягивая букву «а». Если бы не это мягкое к ней обращение, полюбовно-лиричное, женщина, непременно, закричала, и, развернувшись, побежала назад к остановке. Но этот мужчина говорил ее имя, так как это делал Алёшенька, словно подпевая, а потому вызвал лишь состояние ступора, онемения ног, отчего они дрогнули в коленях, едва удерживая ее на себе, теперь и вовсе порождая судорожный возглас:

– Кто вы? Кто? Я вас знаю? Как вас зовут? Позвольте пройти! – так, будто Зоя не верила своим глазам, полагаясь на собственные ощущения или только желая увидеть на месте мужчины своего любимого мужа, потому и уставилась прямо в его глаза, ощущая, как из собственных на щеки плеснулись потоки слез. Человек, впрочем, отозвался не сразу, он наглядно и протяжно выдохнул серые клубы дыма, как-то разом разошедшиеся в стороны и словно переменявшие до тех пор угольные тона полотнищ тумана на сумрачные, окутавшие еще плотнее две их фигуры в густой кокон мари, оставляя один на один в целом мире.

– Как меня зовут, – повторил мужчина и перекатил во рту из одного уголка в другой папиросу. – У меня очень много имен, – продолжил он разговор, словно стараясь вызвать и женщину на общение, – имен, которые используют разные религиозные учения или всякие земные народы. Однако ни одно из тех нелепых имен не отражает моей истинной сути, как и не показывает моего основного предназначения в этом Мире, юдоли земной. Потому ты, Зоенька, можешь звать меня Алёшенька, Лёшенька, Лёшка, – все тем же ровным голосом умершего супруга заявил этот странный человек, вводя женщину в еще большее волнение так, что если до этого момента ее сердце стучало в груди как угорелое, то сейчас застыло неподвижно. Казалось, оно, даже расширившись в размерах и надавив на грудь, неприятным покалыванием передалось в шею, руку и горло, потому Зоя хоть и открыла рот в надежде вздохнуть глубже, ответить не смогла. Горьковато-вязкий воздух, ровно нагнанный со стоящей вокруг сумрачной массы, схожей с туманной пеленой в парилке, легчайшим порывом заскочил женщине в рот, смыкая или только слепляя язык и неба, делая их неповоротливыми, тугими, или просто чужими. Потому Зое пришлось сделать над собой усилие, чтобы сглотнув этот папиросный сгусток, ощутимо плюхнувшийся в желудок и тем вроде поджавший размеры сердца, справится с болезненным спазмом, напитанным не только страхом, но и бесконечной тоской по прошлому, моментально подумав, что ради того, чтобы увидеть, прикоснуться, обнять, поцеловать своего Алёшеньку, она, сейчас не мешкая, не задумываясь, отдала бы оставшуюся часть своей жизни.

Женщина так и не ответила человеку, ровно мысль о встрече с мужем и легкости с которой этот чужак назывался именем любимого, забрала и остатки ее сил, потому она лишь тягостно, резко качнула головой, выражая отрицание. И тотчас увидела как медлительное движение густеющей теневой субстанции, принялась колыхать на собственных серых с синеватым отливом стенках тончайшие нити, паутинки даже, униженные белоснежными кристалликами льда. Иногда стряхивая их вниз, покрывая и без того усыпанный теми ледяными хрусталиками лоб, тонкий изогнутый вправо нос с нависающим кончиком, широкие выступающие скулы, покатый подбородок, белесые брови, ресницы и тонкие губы мужчины.

– Хорошо, – внезапно сам откликнулся он, будто в том едином и резком дерганье головы женщины, принял ее отказ, – пускай ни Алёшенька, Лёшенька, Лёшка. Пускай, Кирилл..., – дополнил человек и вроде как зажевал мундштук папиросы, так что яркий огонек горящего табака перетек на его губы, подсветив не только их тусклую бледно-желтую кожу, но и запекши-еся внутри нее ледяные многогранные частички. – Кирилл! ты, же Зоенька именно так хотела назвать своего сына, – продолжил все также ровно говорить мужчина, с тем будто распростра-няя по коже губ искорки света, – однако уступила Лёшке в выборе имени, полагая, что он этого больше заслужил.

Теперь этот странный мужчина, назвавшийся Кириллом, смолк и резко выплюнул изо рта остатки папиросы, возвращая собственным губам исходный цвет, усыпанный лишь белыми крохами льда. Окурок с примятым или сжеванным мундштуком прыгнул вниз, и, продолжая гореть (подобия падающей звезды) упал на землю, оставив о себе памятью лишь сероватую полосу дыма, плеснувшую в воздух горечь табака и с тем еще сильнее придав яркости в наблю-дение фигуры человека, его черной замысловатой одежды и обуви, в виде пальто и сапог. И также явственно полоса дыма очертила круг, в котором находились те двое, плотно сомкну-тый со всех сторон парящим, безмолвным сумраком.

Зоя внезапно протяжно выдохнула, учащенно и шумно, так ровно ей опять не хватало воздуха или то просто ею овладевало какое-то сердечное заболевание. Вместе с тем она поду-мала, что этот человек лишь единым мгновением, недолгим разговором вытряс из нее все зата-енные мысли, проникнув не только в мозг, но и в самую душу, изъязв оттуда все пережитое вол-нение, счастье и горе.

– Что ж окончательно остановимся на Кирилле, – произнес мужчина, прерывая не только тугой страх Зои, но и потуги ее мозга, души. Возвращая ее саму в настоящий момент времени, слегка даже встряхивая, потому женщине удалось задышать ровнее. – Неужели, ты Зоенька, – продолжил он, словно приметив, что та немного успокоилась, – неужели ты и впрямь готова пожертвовать своим будущим, своей жизнью, ради возможности только увидеть, прикоснуться, обнять, поцеловать Алёшеньку, твоего мужа, супруга, любимого человека? – произнес Кирилл теперь оформляя свою речь вопросом, слегка притом качнув головой, и с белоснежных пря-мых до плеч его волос скатились вниз хрустальные капли воды, до того как оказалось прище-пившиеся за отдельные их кончики.

Он неспешно завел левую руку за спину, а может только сунул в невидимый (лично для Зои) карман, и энергичным движением вынул из него одновременно твердую черную коробку папирос, да серую узкую зажигалку. Кирилл также торопливо поднял руку, и, встрях-нув пачкой, будто выкинул из небольшого отверстия в ней папиросу, также четко подхватив ее белыми, сверкнувшими в сумеречности наблюдения, зубами. Было видно, как он резко сжал зубами мундштук, слегка даже скрипнув ими, и тотчас провел подушечкой пальца по колесу кремня на зажигалке, высекая из нее сноп искр, которыми и поджег край папиросы. Мужчина неспешно сместил папиросу в левый уголок рта и выпустил из него сизый поток горького дыма, да в какой-то подсмеивающейся манере произнес:

– Как ты там, Зоенька, говоришь? – он на миг прервался, но лишь затем, чтобы опустив руку, вновь вернуть пачку папирос и зажигалку в карман или только убрать их за спину. – Гово-ришь же, что ради того, чтобы увидеть, прикоснуться, обнять, поцеловать своего Алёшеньку, готова не мешкая, не задумываясь отдать оставшуюся часть жизни. Неужели и впрямь готова? Готова пожертвовать своей жизнью, своим будущим ради мгновения встречи с любимым, – и также враз смолк или только оборвал собственную речь.

Женщина, впрочем, ответила не сразу. Сперва она посмотрела на внезапно ставшие пучиться в объеме сизые туманы, плывущие над землей, которые не только гасили все звуки извне, но и пытались сомкнуть асфальтное полотно и грязевые лужи в нем, как уже скрыли или только потушили горящие искорки, ранее просыпавшиеся из папиросы Кирилла, и, весь тот

срок напоминающие маленькие осветительные приборы. Морока между тем словно нагнетала густоту и свинцовость, своим цветом напоминая Зою ее жизнь после смерти Лёшки. От этого острого, и как всегда болезненного, воспоминания про любимого на глаза женщины навернулись слезы, обжигающие в собственной тоске, а голос тягостно дернулся, когда она прямо-таки закричала:

– Да, готова! Я готова отдать всю свою жизнь ради того, чтобы увидеть, прикоснуться, обнять, поцеловать моего Алёшеньку!

Она прервалась и по ее спине, как и по щекам, уже в следующий момент потекла тонкими струйками водица, то ли из слез, то ли пОта волнения. Зоя даже не сразу поняла, что говорит неизвестно с кем, на пустой, одинокой улице, о самом для нее сокровенном, однако нуждаясь в том, чтобы выплеснуть все ею пережитое, дрожащим, почасту срывающимся голосом, переходящим с крика на стон продолжала:

– Да и потом разве это жертва? Потеря чего-то? Чего? Семьи, детей, мужа? Я уже все потеряла, все дорогое для меня. Моя жизнь еще едва колебалась, когда дети были рядом, но я уже тогда знала, что будущего у меня нет, оно остановилось, когда умер Лёшка. До того я жила, дышала, смеялась... До того момента я любила, а потом... Потом, сейчас и дальше лишь серость, тьма, мрак, там нет ничего. Потому я с радостью умру, уйду к Алёше, лишь бы прекратить эти нестерпимые душевные мучения.

Зоя замолчала.

Она бы хотела сказать много больше, рассказать этому странному Кириллу как тоскует по мужу, какими тяжелыми были ее первые часы, дни, месяцы, годы без него. Как одиноко находиться без него в городе, во дворе, доме, кровати... Рассказать как часто вспоминая свою Алёшеньку она плачет слизывая соль с губ, или тоскует молча, без единой капли на высохших, точно усохших глазах. Но вместо этого лишь прервалась, как и в первый раз и в последующие, не в силах рассказать о собственных чувствах, переживаниях которые связаны с уходом из жизни супруга или только духовной смерти ее самой, Зои...

– Ну, вопрос не шел о том, чтобы уйти к Алёше, как я помню... – произнес негромко Кирилл и слегка усмехнулся, будто не очень то и верил всем перечисленным женщиной страданиям, – разговор идет о том, чтобы его увидеть, прикоснуться, обнять, поцеловать и с тем отдать без раздумий оставшуюся часть жизни, – добавил он, и, подняв руку, подцепил на подушечку большого пальца мундштук папиросы. – Посему не станем, Зоенька от нашего разговора уклоняться. Итак, ты, Зоенька, так сильно любишь своего мужа, так скучаешь за ним, полагая, что мир теперь это серость, тьма, мрак и без него в нем нет счастья, а потому готова пожертвовать остатком своей жизни лишь бы его увидеть, прикоснуться, обнять, поцеловать. Подумай сейчас над своим выбором, своими желаниями, которые порой сбываются... Только не торопись.

Кирилл прервался, словно на вздохе, так что женщина замерла, ожидая окончания его речи, но тот вместо разговора сдвинул мундштук теперь и сверху подушечкой указательного пальца, да выдернув папиросу изо рта, энергично качнул ее в сторону. Таким образом, он точно скинул в ту же сторону не только серую пыль пепла, но и капли огня, моментально упавшие на матово-стальную стену рыхлого туманища не просто ее озарив, а словно начертав в ней сумеречную тень. Вначале вроде как темную, впрочем, секундой погодя уже обрисовавшую фигуру сына Зои так сильно похожего на ее Лёшку. Только сейчас ее мальчик смотрелся каким-то другим, не просто юношей, а точно мужчиной, значительно повзрослевшим. Широкоплечий, крепкий с накаченными руками и ногами, наблюдаемыми даже через тонкую материю белой обтягивающей его толстовки (с длинными рукавами) и черных спортивных штанов. Он однозначно перенял от своего отца и его округлой формы лицо и средне-русые густые волосы с косматым чубом, прикрывающим большой лоб. Широкой с закругленным подбородком была нижняя челюсть сына, большим рот с блестящими красными губами, узкий с удлиненным кончиком

нос, длинными, тонкие, брови, густыми, загнутые, ресницы, все словно списанное с Алёшки. Однако удлинённой формы глаза с зеленой радужкой, как и смуглый цвет кожи, сын определенно взял от Зои. Ее мальчик сейчас обзавелся не менее густыми средне-русыми усами и вовсе указывающими на его возмужание.

Сын внезапно резко присел и с той же быстротой подхватил, или только выхватил, на руки из рыхлого розовато-серого туманного сгустка фигурку ребенка, опять же моментально поднявшись, выпрямившись и прижав ее к груди. Точнее даже это был не просто ребенок, а маленькая девочка, трех-четырёх лет не более. Одета всего лишь в зеленую футболку и шортики, чье материя обильно усыпан мелкий белый горошек, который собственной белоснежностью, чистотой или только младенчеством будто ударил Зою по лицу. Хлесткая болезненная пощечина, кажется, прошла и по глазам женщины, потому она на миг, не более того, закрыла их. Впрочем, тотчас открыла, чтобы полюбоваться этой маленькой и осязательно родной ей в будущем крохой, так сильно похожей на нее. Точно нарочно позаимствовавшей не только удлинённой формы зеленые глаза Зои, но и форму ее лица, напоминающего рисованное сердечко, небольшой с еле заметной горбинкой нос, светло-русые бровки, реснички и даже такие же русые волосы, заплетенные в две тонкие косички, стянутые на концах поблескивающими белыми резиночками усыпанными кристалльными мелкими цветами, сложенными из лепестков ткани.

Сын Зои, поддерживая девочку под спину, второй свободной рукой ухватил ее за тонкие пальчики, и, вытянув саму ручку вперед, принялся легонько с ней вальсировать. Он сделал неторопливый шаг вперед-назад, затем развернулся по часовой стрелке и даже слышимо для женщины повторил: «раз, два, три». Сын широко улыбался, так что саму улыбку не могли скрыть его такие непривычные густые усы, покачивал девочку на руках, порой наклоняя, поднимая, но, не переставая вальсировать и повторять: «раз, два, три! Раз, два, три!» А девочка, не менее широко растянув свои, словно лепестки цветов, тонкие светло-красные губы, громко смеялась.

– Раз-два-три, раз-два-три, вальс, вальс,

Как же нам радостно видеть вас.

Здравствуйте, милые, здравствуйте, здравствуйте,

Раз-два-три, раз-два-три, вальс, вальс, – внезапно запел баритонально, слегка растягивая букву «а», сын и вновь голосом ее Алёшеньки, да тотчас, сделав очередной поворот на месте, вошел в дымчатую стену, пропав в ней вместе с девочкой. Розовое рыхлое облако продолжало покачиваться еще какое-то время в том месте, где только, что наблюдалась фигура сына и девочки, медленно формируя в нем облачный рукав, подобия смерча, стараясь втянуть остатки ярких цветов, что несли в себе родные Зои, вновь заволакивая все в сумеречные тени.¹

Кирилл неожиданно протяжно выдохнул, с тем выдувая на женщину потоки горько-смолистого аромата табака, всегда для нее такого неприятного. Да только Зоя не сразу перевела взгляд на этого странного мужчину, продолжая смотреть на столь удивительное, приятное и яркое видение. Кирилл, между тем вновь едва качнув в пальцах все еще горящую папиросу, вернул ее в рот, сразу же отправив в левый уголок, да сдавил ее зубами, отчего она слышимо скрипнула, точно обращая на себя внимание женщины. А когда Зоя, усилием воли, сместив взгляд, уставилась ему в лицо, тяжело дыша и глотая текущие по лицу потоки слез, ощущая холодный озноб, покрывающий ее спину сверху вниз, и вновь начавшее биться внутри груди болезненными рывками сердце, он очень мягко улыбнулся. Может женщина и хотела, что-то спросить, но мужчина не дал, он лишь негромко хмыкнув, сказал, теперь полностью перенимая баритональность голоса сына:

¹ Вальс муз. Э. Колмановский сл. А. Галич

– Это твоя внучка. И впрямь кровь великая сила. Сын твой похож на мужа. А его дочь будет похожа на тебя. Наверное, у твоего сына еще будут дети. Два, три, четыре. Он ведь всегда хотел иметь большую семью, много детей. Дети будут и у дочери. Но эта девочка, она станет первой твоей внучкой, старшей в вашем роду. И разве ради того временного мгновения увидеть, прикоснуться, обнять, поцеловать Алёшу, ты готова пожертвовать встречей с этой девочкой, с твоими другими внуками?

Кирилл прервался и выдохнул через правый уголок рта папиросным дымом, который еще большим памором наполнил дымчатые стены кругом, ставшие ощущаться влажно-сырыми точь-в-точь как текущие из глаз Зои слезы.

– Жизнь не закончилась! – теперь мужчина заговорил на повышенных тонах, убирая из собственного голоса какую-либо легкость, лиричность ранее звучавшую, – для тебя она не закончилась, Зоенька! И все эти мысли о самоубийстве и методах его приведения в действия, выпить таблеток, открыть в доме газ, как и само желание, увидеть, прикоснуться, обнять, поцеловать Алёшу не стоят твоего будущего! Будущее, которое у тебя будет пока ты жива!

– Замолчи! – громко и горько выкрикнула женщина и от волнения тяжело качнулась вперед-назад, почувствовав, как предательски дрогнули ноги, словно не желая ее носить и держать на себе, – заткнись! – Теперь она уже перешла на явственную грубость, и, тотчас вскинув руки, заслонила раскрытыми ладонями лицо, зарывав в голос и принявшись выплескивать туда всю боль и тоску, накопившуюся за эти годы, – люблю! Я люблю Лёшку! А когда он умер... Когда он умер, я умерла вместе с ним! Меня убила его смерть! Меня не стало, не стало семьи! Еще немного я держалась в этой жизни из-за ответственности за сына и дочь! Но теперь я совершенно опустела, как и опустел мой дом! Жизнь не просто посерела, она стала черной, она замерла... а я умерла вместе с Алёшенькой! – голос женщины во время этой отповеди то повышался до визга, то хрипел. Он все время шел на высоких нотах, а в конце и вовсе резко осел, так что казалось часть слов, Зоя проглотила вместе со слезами, соплями и болью, которая прямо-таки раздирала ее грудь, отзываясь шемящей болью в сердце. Вместе с тем и это случилось разом, словно выплеснувшись, замер не только ее крик, но и сама истерика. А слезы вроде вытекли все, только остались памятью о них надрывные всхлипы, дрожание тела и особенно сильная вибрация рук, что скрывали ее лицо.

– Я умерла вместе с Лёшкой, тогда... четыре года назад, когда врач мне сказал: «Извините, мы не смогли его спасти, сердце остановилось!» – все-таки выдохнула из себя Зоя и ощутила губами влажную хлипкость в ладонях. Потому рывком убрала ладони от лица и подняв вверх правую руку, не менее сырым рукавом куртки утерла глаза, щеки и губы, впитывая в материю всю мокрядь, остужая как саму себя, так и кожу. Женщина опустила вниз правую руку, точно кинув ее туда, и подняв голову, устремила взгляд на мужчину, сейчас чуть слышно, как на последнем издыхании добавил:

– Из всего мною пережитого, если я о чем и жалею так лишь о том, что тогда... Когда Лёшенька был еще жив, когда лежал в реанимации, и стучало его сердце, я не увидела его. Помню, я тогда так боялась потерять Лёшку, потому и давала себе отсрочку, возможность надежды. Надежды, что пока не увижу его умирающего, у нас все наладится. Да только не наладилось... А потом... потом все годы мучилась мыслью, что он умер из-за меня. Если бы тогда я зашла к нему в палату, может быть он, услышав меня, почувствовав, остался бы жить... Может тогда от той больничной тоски и остановилось Лёшкино сердце... – завершила она свою речь и надрывисто задыхалась, точно теперь ее сердце пыталось остановиться.

– Нет, – очень сухо проронил Кирилл и резко выплюнул изо рта остатки догоревшей папиросы, которая с не меньшей стремительностью в виде ярко-красного отблеска упала вниз, нырнув в густые и поднявшиеся почти до колена сумрачные пары, скрывающие не только

окрестности этого места, но и понимание небес, земли, звуков, запахов, и, кажется, даже ощущения самой жизни.

– Нет, – вновь повторил мужчина и слегка сдвинул свои тонкие белесые брови, отчего его низкий лоб покрытый сетью морщинок стал похож на трещиноватую кору дерева, – на тот момент твой муж уже умер. Всего только отбивало бой его сердце. А мозг уже погиб. И он бы не смог услышать, почувствовать. И сердце его остановилось не от больничной тоски, а потому как не смогло больше работать, перекачивать кровь, – Кирилл смолк и в упор уставился на Зою. Пожалуй, что заглянув в ее зеленые глаза, прямо в самые их глубины. И женщине неожиданно показалось, что сквозь черноту его широких глаз, а вернее через белизну узкой щели, заменяющей зрачок, проступили столь ею любимые глаза Алёшки, серые, дымчатые, сумеречные с легкой каплей в них коричневого. Так словно откуда-то изнутри этого странного мужчины на нее в упор посмотрел ее любимый человек, единственный и незабываемый. Зоя тягостно вздрогнула и всего только на миг отвела взгляд в сторону, а когда вновь посмотрела в лицо Кирилла, его глаза оказались прежними, необычайно широкими и глубокими с черной радужкой, полностью заполнившей пространство белка, и белой узкой щелью вместо зрачка, отчего стало ясно, что виденное лишь почудилось. Также как все это время ей казалось, мнилось, что стоило только тогда войти в реанимационную палату и Алёшенька, Лёшенька, Лёшка бы очнулся, вышел из комы, выздоровел, и, они смогли продолжить их такую разную совместную жизнь, однозначно, теперь оцененную как самая счастливая.

– Я хочу его увидеть... увидеть, прикоснуться, обнять, поцеловать, – отозвалась Зоя почему-то подумав, что если так скажет этот мужчина, подпертый со спины и боков, да укутанный до колен в сумеречные тона, подарит ту встречу. – И пусть ценой того станет остаток моей жизни, – это она сказала много тише, шепнув, словно окончательно теряя связь с голосом, а может и телом, потому едва сама себя расслышала.

Еще секунда и женщине стало тяжело дышать, так что она открыла рот, а кружащая подле пепельно-сизая мгла не просто стал густеть, а прямо-таки пузыриться. Липкими лоскутами она принялась свешиваться сверху и лохматыми концами начала касаться белоснежных прямых волос Кирилла. Покачиваясь перед глазами Зои та морока, вроде маятника неожиданно вызвала очередные воспоминания, только не связанные с уходом Лёшки, а вырванные из текста трагедии «Фауст» Гёте:

«Зачем ты горячишься? Не дури.

Листка довольно. Вот он наготове.

Изволь тут расписаться каплей крови», – сказанные Фаусту самим Мефистофелем. И женщине тотчас подумалось, что еще минута не больше, и эти самые слова озвучит уже Кирилл. Тот, впрочем, ничего не проронил и даже не ответил, лишь кособоко выгнул левый уголок рта. Он даже качнул головой, стряхивая со своих белоснежных прямых волос кристаллики льда или только капельки водицы, этак, разрывая связь со свисающими сверху лепестками пара, кажущихся серыми клубами дыма, выдохнутыми им во время курения. И Зоя неожиданно поняла, что Кирилл не просто прочитал ее мысли, но и посмеялся над ними и ей, несмотря на столь странный его вид и разговор, кровью нигде не придется расписываться.

– Конечно, не придется, – и он моментально поддержал словами догадку женщины, – и поверь, мне даже не понадобится твоя душа, как там, в Фаусте сказано:

«Тебе со мною будет здесь удобно,

Я буду исполнять любую блажь.

За это в жизни тамошней, загробной

Ты тем же при свиданье мне воздашь». Не беспокойся Зоенька, встречи в тамошнем мире не будет, так как загробного мира нет. Ты же сама в это никогда не верила и не веришь, во все эти рассказы, религиозные догмы про иной мир в который уходят после смерти души людей... Еще и потому как тех самых душ нет, – Кирилл прервался на мгновение, в котором

Зоя всего только успела моргнуть и в том движение своих век ровно разграничила его слова и собственное мировоззрение в котором за последние годы, может лишь потому как тосковала за мужем, усомнилась. Женщина даже хотела это озвучить, и для того открыла рот, но резко осеклась еще и потому как внезапно услышала четкий шелчок, точно прокрутили колесико кремня в зажигалке. А уже в следующий момент сноп искр, длинным лепестком огня, вспыхнул на кончике папиросы, которую мужчина сжимал в левом уголке рта. Это произошло так быстро, что Зоя и не поняла, когда Кирилл успел вытащить из пачки и вставить в рот папиросу. Впрочем, когда сизый поток горького дыма пролегал между ней и мужчиной и он слегка качнул левой рукой, словно сбросив вниз в густеющие подушки сумеречного пара пачку папирос и зажигалку, все плотнее их обступающего, осознала, что всего лишь отвлеклась на собственные мысли, не заметив его телодвижений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.